

«Размышления Горбачева о Рейкьявике (объединены высказывания в самолете на пути оттуда и по возвращении в Москву).

Регулярно читаю иностранную прессу. И ощутил, насколько широкий резонанс вызвало сообщение о встрече в Рейкьявике. И сразу же начались спекуляции — кто кого там переиграет. Но мы не с этим ехали в Рейкьявик. Повод для нашей инициативы был очень значительный. Дело в том, что Женева зашла в тупик. Мы почувствовали, что нужен крупный прорыв. Ибо время работает против интересов человечества.

И вот прошел Рейкьявик. Оказалось, что по первому и второму пункту нашей платформы — по стратегическому оружию и РСД — удалось достигнуть понимания без особого труда. Уже одним этим был приобретен огромный опыт. Мы понимали трудности президента, понимали, что он не свободен в своих решениях. И не делали трагедии из того, что проблема ПРО не позволила Рейкьявику стать полным успехом. Мы считали: пусть президент обдумает все, что произошло, пусть посоветуется с Конгрессом. И, может быть, понадобится еще одна попытка, чтобы перешагнуть то, что нас еще разделяет. Мы можем подождать. И не снимаем наших предложений, привезенных в Рейкьявик.

Не надо впадать в отчаяние. Рейкьявик вывел нас на важнейший этап понимания того, где мы находимся. Все увидели, что договоренность возможна. Из Рейкьявика мы сделали вывод, что еще больше возросла необходимость диалога. Вот почему после Рейкьявика я — еще больший оптимист.

Задают вопрос, стал ли мир более безопасным после Рейкьявика. Тут нужна точность мысли. Не надо примитивизма. Я ни в коем случае не назвал бы Рейкьявик провалом. Это ступень в сложном и трудном диалоге, в поиске решений. Решения надо искать по крупному. Мы предложили сократить всю «триаду» — каждую ее часть — на 50 процентов. И это уже было бы крупнейшим достижением.

Некоторые пытались изобразить драму в Рейкьявике (а ситуация действительно складывалась драматически) так, будто дело было в одном слове, будто все сорвалось из-за одного слова. Нет, дело в принципе. Мы пошли на крупнейшие уступки, но на уступку, которая поставила бы под угрозу безопасность нашего государства, мы пойти не можем. Я уже дважды выступал по итогам Рейкьявика. И не только для того, чтобы восстановить истину, которую стали искажать. А для того, прежде всего, чтобы определить, что же делать дальше. Я говорил это тогда и сейчас убежден: неуспех Рейкьявика связан с двумя крупнейшими, стратегического характера заблуждениями, свойственными определенным кругам Запада.

Первое. Это, что русские боятся СОИ и поэтому пойдут на любые уступки. И второе, что мы заинтересованы в разоружении больше, чем Соединенные Штаты. Такие настроения сказались и на ходе переговоров в Рейкьявике. Я очень скоро почувствовал, что от меня там ожидают, чтобы я полностью раскрыл именно эти «свои карты». В то время как президент приехал без определенной программы — лишь собирать плоды в свою корзину. Американские партнеры поэтому упорно тянули нас к тому, чем бесплодно столько времени занимались наши делегации на женевских переговорах. А мы были настроены решительно. Мы хотели придать реальное практическое выражение тому, о чем в принципе договорились с Рейганом в Женеве на высшем уровне. Иначе говоря, дать импульс процессу ликвидации ядерного оружия. В самом деле, до этого речь шла об ограничении ядерных вооружений. Теперь — о сокращении и ликвидации. А раз так, то нужно было закрыть все пути для обходных маневров, позволяющих выйти на превосходство. Вот почему ключевым пунктом стал вопрос о соблюдении Договора по ПРО. Позиция американской стороны в Рейкьявике по этому вопросу ясно показала, что она не отказалась от установки на превосходство. Вот почему не хватило ни характера, ни ответственности, ни мужества, ни политической решимости переступить через этот порог. Ибо это означало — высвободиться из зависимости от ВПК.

Тем не менее мы крест не ставим. Мы исходили из того, что Рейкьявик открывает новые большие возможности разобраться, что происходит, для всех — и для европейцев, и для американцев, и для нас самих. Для нас же стало определенно ясно: раз ПРО, СОИ — орудие обеспечения превосходства тогда нужен «пакет», тогда всё взаимосвязано (т.е. отказ от намерения вывести пока РСД за скобки переговоров по ядерному оружию — А.Ч.). И не будем лукавить: мы хотим показать этим пакетом всему миру — и европейцам в первую очередь, — что главное препятствие к соглашению о ядерном разоружении — это СОИ».

Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991.
С. 697-698